Корабли и Галактика

Автор:
Алексей Иванов

Корабли и Галактика

Алексей Викторович Иванов

А эта повесть написана в редком жанре «космической оперы». Действие раскидывается на весь Млечный Путь, пылают звёзды, несутся причудливые корабли, космос кишит жуткими чудовищами, история Галактики полна грандиозных противостояний и сражений, а сквозь пространство мерцают тайны погибших древних цивилизаций.

Алексей Иванов

Корабли и Галактика

Глава 1. Дьярвы

У Галактики было шесть полюсов. Авл и Евл венчали исполинский сплюснутый шар ядра, а Сбет, Гвит, Скут и Зарват находились на четырех наиболее удаленных точках диска, образованного могучими спиралями разбегающегося звездного вещества. От полюсов, укрытых лишь скудным свечением разреженного межгалактического газа, расстилался бесконечный пустой, неподвижный и мрачный простор Орпокены – океана, разделяющего галактики.

Злой полюс Скут находился в устье звездного рукава, прозванного Мертвой Норой, в центре скопления Ящера – плотного роя гигантских багровых звезд,

остывающих в смертоносном прибое Орпокены. Через него текло Большое Галактическое Скут-Евловое течение, пересекающее пустошь Смертный Грех, скопление Инквизитора, туманность Пцеру и вдоль звездной аллеи Яркий Строй уходящее дальше, к полюсу Евл. Используя силу этого течения, большой караван грузовых судов стремительно огибал жуткую Пцеру, рассчитывая через месяц прибыть к причалам урановых компаний Скут-порта. Но прогорел реактор самого старого транспорта № 23, и всему каравану пришлось лечь в дрейф.

Положение осложнялось тем, что авария произошла вблизи Дикого Улова – области астероидных полей, где гнездились дьярвы, пожиратели металла. Ветхий транспорт ставил всю флотилию под угрозу атаки из Дикого Улова.

На борту потерпевшего аварию корабля находилось два разумных существа. Первым из них был пилот-механоид. Все корабли Млечного Пути после разгрома монастыря Инквизиторов теперь принадлежали победителям – Корабельной Корпорации Сатара. С самого возникновения Корпорации ее учредитель – Сатар – записал в Корабельном Уставе, что во избежание повторения ига монахов-инквизиторов, завладевших сперва всеми кораблями, а потом всей Галактикой, управление и Корпорацией, и кораблями передается специальным автоматам – механоидам. И это было справедливо, потому что режим Энергетического Неблагополучия, царивший во Млечном Пути, всегда и везде грозил людям гибелью от неисчислимых опасностей, к примеру, тех же дьярв.

Вторым разумным существом был молодой человек по имени Навк. Он стремился успеть ко вступительным экзаменам в Музыкальную Академию в столице Скут-сектора Рамадарии и поэтому решился лететь не на пассажирском лайнере, а с грузовым караваном. Он с отличием закончил Музыкальный Лицей на провинциальной планете Пандадион. В дороге, скучая, он осматривал корабли, пока не очутился на борту транспорта № 23. Корабли были увлечением Навка, хотя в Галактике это считалось непрестижным, почти порочным. Транспорт № 23 сильно заинтересовал Навка. Корабль этот был построен еще до еретической войны с монахами и до штурма монастыря Нанарбек. Навк, вспоминая жуткие сказки о злодеяниях Изуверов, с жадным любопытством осматривал корабль, этими Изуверами и построенный. На рулях корабля он обнаружил даже вычеканенное название – «Ультар». Ни один корабль Корпорации Сатара не имел имени – это приравнивалось к осквернению, к глумлению над человеческим достоинством. Навк остался на борту «Ультара», переоборудованного под рудовоз. Здесь его и застигла авария.

Пока весь караван, сжавшись в ожидании дьярв, лежал в дрейфе, Навк и механоид два часа ползали по двигательному отсеку. Наконец масштаб разрушений стал ясен, и пилот с пассажиром вернулись в рубку.

– Докладывает пилот-механоид транспорта № 23, – сказал пилот лидер-механоиду каравана, ожидавшему на связи. – Срок ремонта оцениваю в двенадцать часов.

– По сообщению наблюдателей, из Дикого Улова вышли стаи дьярв, – ответил лидер-механоид. – Объявляю тревогу всему каравану. Через три часа дьярвы настигнут караван. Требую немедленной эвакуации пилота и пассажира на борт транспорта № 22.

– Подождите, лидер-механоид, – горячо возразил Навк. – Понимаете, этот корабль – очень древний. Для нас, для людей, он представляет историческую ценность. Нельзя его бросить здесь! Я сумею починить его за три часа, я немного разбираюсь в этом…

– Понятие «историческая ценность» в моей памяти не содержится, – бесстрастно ответил лидер-механоид. – Сожалею, но транспорт № 23 будет оставлен здесь.

– А если я не покину борт корабля? – разозлился Навк.

– В таком случае караван уйдет без вас. Согласно Уставу Корабельной Корпорации Сатара, для экипажа корабля приоритетными представляются его прямые функции. Мои прямые функции – спасти корабли и груз ценой наименьших потерь.

– Ну, и черт с вами, – в сердцах сказал Навк. – Летите, сколько влезет. Вот увидите, я догоню вас.

– Скорость транспорта № 23 не позволит вам догнать нас.

– Пока вы по дуге огибаете туманность Пцеру, я пролечу ее насквозь и встречу вас по другую ее сторону.

– Полеты в туманности Пцера категорически запрещены, – напомнил лидер-механоид. – Туманность Пцера – зона смертельного риска.

– Ну и наплевать, – сказал Навк. – Проскочу.

– Прошу подтвердить ваш окончательный отказ оставить корабль, – подводя итог, произнес лидер-механоид.

– Отказ подтверждаю, – хмуро ответил Навк.

– Благодарю вас, – сказал лидер-механоид. – Пилот-механоид может покинуть борт корабля. До свидания, пассажир Навк. Желаю удачи.

– Проваливайте, – ответил пассажир Навк.

Пилот-механоид – двухметровый металлический скелет, набитый приборами и опутанный проводами – не прощаясь, ушел в тоннель. Навк слышал, как он скрежещет дверью заржавевшего шлюза, как хлопает воздух, вырывающийся наружу, и с лязгом отталкиваются ноги механоида от обшивки корабля. Через пять минут сквозь иллюминатор Навк увидал, как дрейфующий в черном объеме космоса косяк серебристых рыб – его караван – осветился россыпью маршевых огней. Тонкие струи пламени ударили из сопел. Караван беззвучно и слаженно сдвинулся с места, навалился на одно крыло и поплыл, поплыл все быстрее и быстрее в радостное созвездие Кливеров.

– Предатели электрические!.. – вслед ему зло сказал Навк.

В мрачном настроении он угрюмо побрел в инструментальный отсек, а оттуда, отягощенный объемистой сумкой, – в двигательный, чтобы ремонтировать реактор. Через два часа Навк вернулся в рубку, включил проклятый реактор на прогревание, посидел в кресле, отдыхая, потом вытащил скафандр, влез в него и отправился за борт, вооружившись плазменным резаком. Он собирался отсечь от корабля огромный, раз в десять больше самого «Ультара» тендер, доверху загруженный урановой рудой. Тендер крепился к корме «Ультара» тремя двойными фермами, которые Навку предстояло перерезать.

Ступив на обшивку корабля, он задрал голову и сощурился от дробного, многомерного, беспокойного звездного света. К корме вели монтажные пути – ряд металлических обручей, соединенных длинными штангами. Навк пополз сквозь них, цепляясь рукояткой резака. Поверхность корабля ярко и мертвенно-бело блестела в звездном сиянии, и за космическими огнями стеной стояла неразбавленная тьма мироздания.

Выбравшись на шершавую, бурую броню кожуха двигательного отсека, Навк увидел за кормой корабля огромную цистерну грузового тендера. Он подобрался к ближайшей паре дырчатых ферм-консолей и устроился поудобнее. Штык плазмы вонзился в металл, и металл начал краснеть, дрожать и рваться, как мокрая бумага. Навк распилил первую консоль, вторую и, моргая от напряжения, оглянулся. И едва не закричал от ужаса – сверху на корабль пикировала дьярва.

Дьярвы были закованными в пупырчатый панцирь чудовищами, каждое размером с «Ультар». Формой они напоминали трехгранную пирамиду, в основании которой находилось сопло их внутреннего реактора, а острие представляло собой клюв. По углам у основания, занесенные для удара, дыбились три огромные клешни-кувалды. Навк увидел, как передняя тварь врезалась клювом в тендер, насквозь пробивая корпус, а сверху еще рухнули клешни, сминая металл гармошкой, вздернулись снова и начали бить. Клюв раскрылся, и ядерный моллюск, роняя клочья плазмы, погрузил свои псевдоподии в содержимое тендера, как пиявка, высасывая расплавленную руду. Из глубин космоса летели все новые и новые чудовища, вонзались в тендер. Корабль качался от их ударов. Это спасло его, когда одна из дьярв ринулась прямо на рубку. Ее отбросило, и она, раскрыв клюв в космической пустоте, словно взорвалась от внутреннего давления, выплюнув сгусток огня и сумасшедше завертев клешнями.

Замирая от страха, Навк пополз по сотрясающемуся корпусу к следующим консолям. Он принялся пилить другую ферму, вполглаза следя, как новая дьярва спикировала на корабль, но не смогла пробить обшивку, лишь оставила в ней глубокую вмятину.

Консоль, наконец, лопнула, и Навк полез к последней ферме. Дьярвы носились вокруг «Ультара», сшибались, взрывались, пикировали. Над головой Навка полыхали огненные всплески и бесновались тени. Тендер уже превратился в неописуемое месиво из космических хищников, которые врезались в него, втискиваясь между собратьями, и тут же лопались, раздробленные кувалдами

соседей. На место взорвавшихся сразу же приносились новые. Вся стая клокотала, бурлила вокруг тендера, расшвыривая куски ядерных моллюсков, скорлупу панцирей и отломленные клешни.

Третья консоль отделилась от брони корпуса и поплыла в сторону, пройдя над самой головой Навка. Почти не дыша от ужаса, Навк нырнул в уцелевший монтажный тоннель и сквозь обручи на четвереньках заспешил к шлюзу. Маленький корабль привлекал чудовищ гораздо меньше, чем огромный, легкодоступный тендер, и это его уберегало; но очередная тварь все же впилась в него и исступленно колотила клешнями. Навк, проползая в опасной близости от летающих молотов, чувствовал, как весь «Ультар» ходит ходуном.

Добравшись до шлюза, Навк втиснулся в люк по пояс, нацелил раструб резака и дал выстрел в полную мощь батарей. Плазменное копье вонзилось в бок вгрызавшейся дьярве и вылетело с другой стороны. Тотчас из пробоины ударил раскаленный фонтан выброшенных внутренностей чудовища. Навк упал в шлюз, выскочил в тоннель и, выбравшись из скафандра, припустил к рубке. Он свалился в пилотское кресло; не теряя времени, дал старт, с ходу загрузив реактор на полную мощность. В корме глухо заворчало, а потом заревело. По переборкам поползла вибрация. Ускорение мягко завалило Навка на спину. В реакторе снова горели предохранители, насосы снова не справлялись с дейтериевой водой, а жесткое напряжение рвало процессорные цепи, но теперь уже некогда было щадить двигатель. «Ультар», дрожа, все убыстрял ход. Реактор вошел в маршевый режим. По дуге обойдя другую стаю дьярв, несущуюся к месту побоища, корабль помчался к туманности Пцера.

Глава 2. Пцера

Сначала как-то незаметно гасли звезды: впереди, по курсу, – быстрее, а по сторонам – медленно и неохотно. Тьма охватывала со всех сторон, и ощущение движения исчезало. Корабль ровно, без единого толчка висел в пустой черноте. Но потом впереди во тьме стали проступать смутные светлеющие тени, какое-то внутреннее волнение, неоднородность мрака. Наконец обостренное зрение нашарило зыбкую границу туманности, выпуклые объемы ее масс. И вскоре во всю ширь вселенной растеклось холмистое поле скопления космических газов. Оно таяло, меркло вдали и дымно отсвечивало прямо по курсу.

И тогда Навку по-настоящему стало страшно. Что он для вселенной? Металлическое зернышко с искоркой внутри – что он со своим кораблем может противопоставить исполинским концентрациям масс, астрономическим величинам сил, неумолимым океанам энергии, не поддающемуся осмыслению ходу времен? Караван ушел, оставив Навка наедине с вечностью, он словно по широкой дуге обогнул вечные вопросы, и те с неизрасходованной страстью набросились на Навка, приняв облик космических чудовищ, пожирающих звездолеты, запретных миров, где тайный нечеловеческий замысел ломает человеческую природу, призраков великих, но погребенных в веках цивилизаций, истлевшая древность которых сквозит в бледном свете ветхих звезд, и тех жгучих смертоносных загадок, что мерцанием запредельного знания приваживают и губят отбившихся одиночек.

Неизбывное, беспросветное одиночество корабля, затонувшего и погрузившегося на самое дно, пронзило Навка. Спасаясь от тоскливой неприкаянности, Навк попытался вспомнить что-нибудь радостное из жизни кораблей. Но такого не вспоминалось. Заводы-автоматы собирали серийные звездолеты и с клеймом «Корабельная Корпорация Сатара» спускали по стапелям в космос. Корабль служил весь свой срок в однообразных, как пустыня, рейсах, сходил с трассы и кончал жизнь в деструктурных цехах той же самой Корабельной Корпорации. Одиночество не разбавлялось даже смутной романтикой космических дорог. А если эта романтика и вторгалась в виде аварий, метеоритных атак, судорог силовых полей или космических чудовищ, то все это лишь приближало деструктурный цех и лазерные пилы. Навк больше не мог думать о кораблях.

Он долго глядел в непроглядную тьму Пцеры, и вдруг ему начало казаться, что гигантские невидимые призраки обступают его со всех сторон. Навк включил мощный прожектор. Луч его, колесом прокатившись вокруг «Ультара», вырвал из тьмы ее тайную начинку – три трансгалактических броненосца взяли кораблик в кольцо. Три сизые бронированные громады висели справа, слева и сверху над «Ультаром». И когда их секрет был раскрыт прожектором Навка, они, не таясь, зажгли полную иллюминацию. Целое облако света заклубилось вокруг.

Каждый броненосец был раз в тридцать длиннее «Ультара». Их выпуклые борта покрывал синеватый космический иней. Навк с трепетом глядел на боевые башни, высоко встающие над палубой, на покатые, приземистые, влезающие друг на друга надстройки, сверху заросшие черной арматурой, среди которой торчали решетки радаров, медленно крутились лопасти локаторов. Навк

смотрел на широкий пролет капитанского мостика, где в крошечных тусклых иллюминаторах изредка вспыхивал слабый отблеск. Навк видел направленные в темные тучи ракетные посты и красные стартовые сигналы на хвостовиках космических торпед, вытянувшихся вдоль бортов. Массивное брюхо ближайшего, верхнего броненосца было обнажено, броневой кожух разошелся, как две челюсти, и Навк видел зловещий улей в чреве титана – стальные соты, где гнездились боевые катера. Жуть продрала Навка, когда он ощутил все неизмеримое могущество этих хищников, чью мрачную тропу он по неведению пересек.

В сотах над «Ультаром» полыхнуло. Их темных ячеек в космос выпало несколько «складных ножей», или «псаев» – так в космопортах называли боевые катера марки ПСАИ: патрульно-сторожевой автоматический истребитель. На борту каждого псая был пилот-механоид. Выпавшие в пустоту узкие контейнеры «складных ножей» сразу начали раскрываться, приобретая вид катера. Отстрелились и заняли нужную позицию короткие крылья, корпус разломился на три части и состыковался в фюзеляж, из которого на штанге выехал кормовой двигательный блок и вывинтился маячок автоматического лучемета.

Навк услышал, как заработал шлюз «Ультара», как механоиды загремели в тоннелях, и наконец один из них, вооруженный лучеметом, шагнул в рубку.

– Кто вы такой? – спросил он. – Объясните ваше присутствие в этой точке Галактики. При попытке разрушить меня и моих спутников ваш корабль будет немедленно торпедирован и уничтожен.

У Навка пропал голос.

– Я – пассажир Навк. Летел на борту транспорта № 23 каравана Пандадион – Скут-порт, 47. В районе Дикого Улова при атаке дьярв отстал от каравана и сейчас догоняю его…

Механоид долго молчал, ожидая связи с центром.

– В караване № 47 нет транспорта № 23, – сказал он. – Корабельный Регистр Сатара дает информацию, что он считается погибшим на трассе.

– А мой корабль и есть… – начал было Навк.

– Ваш корабль идентифицирован нами как транспорт № 23, – перебил механоид. – Совпадение по всем параметрам полное, кроме степени износа двигателя и корпуса. Также в Регистре не содержится сведений об обломках клюва космического хищника дьярвы, торчащих из корпуса.

– Это мое свежее приобретение, – мрачно сказал Навк. – А что в Регистре говорится о пассажире Навке?

– Пассажир Навк считается погибшим.

– Но я жив, – неуверенно сказал Навк.

– Для идентификации вас с пассажиром Навком прошу вашего разрешения на проведение полного экспресс-анализа.

– Почему обязательно полного? – подозрительно спросил Навк.

– Чтобы определить степень вашего здоровья. Патруль Корабельной Корпорации Сатара в районе туманности Пцера разыскивает человека, больного опаснейшим психическим расстройством – кораблевой болезнью. Этот человек считает себя силантом из галактики Цветущий Куст.

– И для поисков одного сумасшедшего Корабельная Корпорация отрядила три трансгалактических броненосца? – съязвил Навк.

– Нет, – бесстрастно ответил механоид.

– Приказываете мне не верить своим глазам?

– На поиски человека, считающего себя силантом, Корабельная Корпорация Сатара направила триста шесть патрульных групп, насчитывающих восемьсот двадцать два трансгалактических броненосца-носителя, двести восемьдесят три сверхтяжелых фрегата, вооруженных планетарными аннигиляторами, пятьсот сорок сторожевых станций на внешних подступах к Галактике в Скут-зоне, четыре космических цитадели высшей защиты и двадцать пять тысяч семьсот сорок боевых модулей для усиления охраны туманности Пцера.

Навк потерял дар речи. Подавленный, он покорно подвергся анализу.

– По картотеке пассажирского регистра Сатара вы идентифицируетесь как пассажир Навк, – сообщил результат механоид.

– А кораблевой болезнью я не болею? – спросил на всякий случай Навк.

– Нет. Ваши психические реакции в пределах нормы. К сожалению, у нас пока нет возможности внести коррективы в регистры Сатара ввиду того, что релейная станция Скут-сектора в результате массированных поисков больного человека полностью загружена. До того времени, пока больной не будет обнаружен, вы будете считаться погибшим.

– Ничего, побуду покойником, – ответил Навк. – Надеюсь, это не приведет к какой-нибудь катастрофе?

– Ваш корабль всеми следящими системами будет идентифицирован как космическое тело, например, астероид. Вас могут расстрелять траловые суда Службы борьбы с космическим мусором.

– И что же мне делать? – озадачился Навк.

– Мы можем сообщить о вас на все траловые станции по пути вашего следования. Назовите ваш маршрут.

– Вообще-то я собирался лететь через Пцеру… – начал Навк.

– Полеты сквозь туманность Пцера категорически запрещены. Туманность Пцера признана зоной высочайшего риска. Она охраняется системой боевых модулей, усиленной в связи с поиском сумасшедшего. При попытке проникнуть в туманность Пцера боевые модули открывают огонь на уничтожение по любому кораблю.

– Вот как! – воскликнул Навк. – Чтобы ты не погиб там, тебя убьют здесь!

– Это нелогично, – возразил механоид. – В туманности Пцера опасно, поэтому на полеты в ней наложен категорический запрет первой степени. А уничтожение,

согласно Кодексу Сатара, производится при попытке нарушить запрет первой степени.

– Но если я полечу в обход Пцеры вслед за караваном, то я погибну!.. – закричал Навк.

– Очень сожалею.

Навк разозлился. «Пока меня считают погибшим, я буду признан астероидом и пройду в Пцеру под носом у их усиленной защиты! Вот так», – сказал он сам себе, глядя, как механоиды, покинув «Ультар», забираются в катера. Псаи взлетели, сложились и вошли в свои ячейки. Челюсти кожуха закрыли улей в брюхе верхнего броненосца. Корабли тронулись, плавно прошли мимо, погасили огни и скоро растаяли во мраке.

Навк выждал, пока они уйдут подальше, развернул «Ультар» и бесшабашно направил его в пучину тьмы.

Линию, на которой висели боевые модули, Навк прополз очень медленно. В боковом иллюминаторе он видел затаившееся звездное страшилище – массивный ящик, меланхолично мигающий маячком. На торце ящика, как исполинская бабочка, сидела ажурная чаша рефлектора сверхдальнего излучателя. Неусыпный страж Пцеры не обратил внимания на «Ультар», и Навк, ликуя, повел корабль туда, где смутно, могуче, медленно и грозно выступали из черного небытия гигантские завихрения, пласты, валы мрака, где плотный газовый слой скрывал от мира древнюю и страшную звездную россыпь Пцеры.

«Ультар» в безмолвии промчался невидимым меридианом модуля и вошел в густые газовые слои. Опрокинутый в кресле, Навк несся в толщах неимоверной массы космической материи. Капля горячего металла, какою был «Ультар», бесконечно долго падала, падала, падала сквозь захлебывающуюся дробь галактических верст, где не то чтобы одна походила на другую, а миллион их ничем не отличался от другого миллиона. Навк потерял ощущение времени.

Но вдруг в мгновение ока «Ультар» вырвался из душной тьмы газовых глубин в черную хрустальную пустоту. Навк успел подумать, что это стремнина Скут-Евлового течения отмахнула вязкие туманные топи в сторону. На дне ослепительно-чистого потока Навк увидел нежно переливающийся венец

далеких и неведомых звезд Пцеры. Навк охватил это все одним взглядом в единый миг, а справа и слева от «Ультара», на одной скорости с ним, из тумана вырвались два боевых броненосца.

Глава 3. Иилах

С того момента, как вооруженные лучеметами механоиды ворвались в рубку «Ультара», Навк был пленником. Участь пленника оказалась весьма плачевной. Навк понимал, что ему не поздоровится, но не думал, что высшим наказанием будет полное равнодушие лишенных чувств механоидов. Для Навка на броненосце не нашлось даже каюты.

Его посадили в прозрачную пластиковую банку высотой в его рост и шириной в один шаг. Банка эта, которую Навк окрестил для себя «термосом», стояла в специальном станке, прикрепленном к палубе. Целыми днями Навк сидел на откидной скамеечке, слушая, как над его головой сопят резиновые трубы. На ночь «термос» автоматически опрокидывался набок, и Навку волей-неволей приходилось засыпать. Обиднее же всего было то, что «термос» стоял посреди темного грузового трюма броненосца.

Но вот однажды, когда Навк спал, кабина «термоса» вдруг поднялась вертикально. Навк сполз на дно и очнулся. Трюм был полон механоидов, которые закрепляли грузы. Навк понял, что броненосец достиг базы. На всех базах Сатара корабли входили в защитное поле станции с раскрытыми трюмами. Это делалось для того, чтобы за линию защиты в трюмах не проникла какая-нибудь космическая тварь, вроде пыльных тарантулов или лунных макак, не говоря уже о Черных Пиявках. Навк задрал голову. Две огромные створки грузового трюма вдруг осветились проникшим внутрь звездным отблеском и медленно, тяжело открылись, распахивая над глубокой стальной могилой трюма сияющие просторы вселенной. Неведомые звезды туманности Пцера ярко и светло горели в немыслимой вышине, и Навк обрадовался им, как люди радуются радуге после долгой грозы.

Сторожевой спутник, раскинув воронки излучателей, парил над разъятым трюмом, перемигиваясь зелеными огоньками. Но Навк не разглядывал этого цепного пса Сатара. С изумлением он смотрел на саму станцию, висевшую

невдалеке, словно чудовищный плод. Навк никогда не видел таких станций: это была древняя космическая крепость. Стены ее, выложенные из массивных валунов, обросли ледяным мхом. Кое-где строители вмуровали грубо обтесанные каменные плиты. На своем суровом лике крепость несла следы былых осад и штурмов – выбоины и трещины, проломы от ударов тарана, закрытые ржавыми металлическими щитами. Местами камни были расколоты и соединены огромными металлическими скобами; местами поверх сокрушенных валунов лежал слой кирпичной кладки. Башни и бастионы были усилены контрфорсами. Кое-где камни облизала копоть пожаров; торчали обломленные зубцы парапетов. В брусья бастиона, служившего строителям цитадели причалом, были ввинчены тяжелые, толстые кольца. Но Корабельная Корпорация Сатара переоборудовала древнюю твердыню. С некоторых башен срезали своды, и в них установили лучебои. Толщу стен просверлили лазерные бойницы. Подъемный мост на цепях был снят, а широкий портал перекрыли створки ворот новейшей конструкции.

Броненосец, пройдя досмотр, поплыл дальше, и грозная цитадель опустилась за урез трюма. А затем корабль вошел в ангар, и потолок наехал сверху, закрывая звезды.

«Термос» с Навком перегрузили на самоходную платформу и по аппарели повезли внутрь станции. Навк во все глаза рассматривал длинные и темные коридоры, заполненные механоидами всех марок и классов. Платформа сновала между ними, то и дело сворачивала в боковые ответвления, опускалась и поднималась по круглым шахтам, где некогда были винтовые лестницы, демонтированные новыми хозяевами. Тоннели были разные – широкие и узкие, перекрытые плоскими плитами, цилиндрическими сводами или стрельчатыми арками. Кое-где висели растрескавшиеся каменные щиты с вырезанными на них геральдическими чудовищами. Из стен еще торчали держалки для факелов. В темных нишах ржавели какие-то доспехи или штурмовые механизмы. Наконец платформа остановилась у шлюза. Механоиды повалили «термос» с Навком набок и пристыковали к шлюзу, из которого Навк выполз на четвереньках. За шлюзом его поджидали два могучих страж-механоида с лучеметами. Под их зловещим конвоем Навк зашагал дальше. В крепости было холодно, дул ветер, пахло железом. Навка, привыкшего к плотной тишине в своем «термосе», крепость оглушила многослойным гулом, дальним лязгом, механическим воем.

Железный конвой молча доставил Навка в большой зал, все стены которого были заняты пультами. Посреди зала на квадратном подиуме сидел огромный

металлический краб. Навк остановился. Краб молчал и смотрел на Навка выпуклыми зелеными глазами. Наконец какой-то новый свет полыхнул в его пустых зрачках, и он глухо проскрипел:

– Перед тобой супермозг Корморан Корабельной Корпорации Сатара, главнокомандующий боевой станцией Иилах спецфлота Иилаха, прокуратор туманности Пцера. Отвечай, пассажир Навк, зачем ты желал спасти свой корабль? Ты сожалел о его стоимости? О стоимости груза? Ты знаешь, что ты одушевил корабль своим нежеланием бросить его?

– А разве это запрещено? – хрипло спросил Навк.

– Кто тебе внушил, что корабль может быть одушевлен?

– Никто… Я и не задумывался об этом, – Навку стало жутко.

– Зачем тебе надо было попасть в Пцеру? Знал ли ты человека по имени Корабельщик? Знал ли ты о войне Кораблей и Мамбетов? Знал ли ты об учении Полночи в Мироздании? Знал ли ты об идеях монахов Нанарбека? Знал ли ты правду о Ереси? Знал ли ты о Галактическом Тормозе?

– Как много вы всего спросили… – запинаясь, сказал Навк. – Корабельщик – это предводитель монахов-Изуверов, Нанарбек – их столица, Ересь – всенародное движение против владычества Изуверов в Галактике, возглавленное Сатаром… Но это известно всем со школы из Великого Галактического Эпоса «Сатариада» и было давно, несколько веков назад… А больше я ничего не знаю.

– Значит, ты по своей воле одушевил корабль, – сделал вывод прокуратор. – Признаю тебя психически больным. Ты сумасшедший. Твой разум поражен кораблевой болезнью. Приговариваю тебя к пожизненной терапии в колонии на планете Калаат. Твой корабль отправляю в деструктурный цех для уничтожения. Именем Сатара, да будет так.

– Нет, погодите!.. – закричал Навк, перепугавшись, но страж-механоид моментально ткнул его в затылок стволом парализатора. Яростная вспышка словно огнем продула Навка насквозь…

Очнулся он от того, что кто-то довольно сильно бил его по лицу.

Навк разлепил веки и увидел, что лежит в просторном темном помещении. Стены и своды его, сложенные из огромных кирпичей, покрывала плесень. Столбы и пологие арки поддерживали низкий потолок каземата. Единственная лампа над маленькой стальной дверью мрачным багровым светом озаряла щербатый пол с черными трещинами. Угрюмые дальние пространства терялись во мраке. Кое-где вдали Навк с ужасом различил висевших под потолком нетопырей, обросших бурой шерстью. А по щекам Навка бил огромный старик, сидевший перед ним.

Он был необыкновенно худ, широкоплеч и сутул. Одежду его составляли рубаха с разорванным воротом и истрепанные штаны, заправленные в высокие ботинки. Лицо у старика было каким-то пепельным – так темнеет кожа от космического излучения, – в его выражении было что-то сумасшедшее, хищное, безжалостное и измученное. Морщины изрубили лицо, как сабельные удары. Взгляд запавших глаз был исполнен такой силы, что ощущался как прикосновение. У старика была огромная шапка седых волос, которые спутанными кольцами падали на плечи, и такая же взрытая борода.

– Ты – силант из Цветущего Куста? – спросил старик.

Навк промычал что-то в ответ, ничего не понимая.

– Че-ло-век!.. – с непонятной ненавистью воскликнул старик и сказал неизвестно кому: – Это человек, Дождилика… Силанта еще нет…

– А где мы?… – с трудом спросил Навк. – Уже на этом… как его?.. на Калаате?.. – Навк подумал, что сумасшедший старик очень похож на обитателя колонии Калаата.

– Нет, – грубо ответил старик. – Это застенки Иилаха. А ты сослан на каторгу? За что?

– Не знаю… – пожал плечами Навк. – Понимаете, как было…

И Навк пересказал свою историю.

– А почему ты пожалел корабль? Ты пилот?

– Нет. Пилотами бывают только механоиды. Человеку слишком опасно выходить в космос, это делают немногие, да и то в случае крайней необходимости. Я вообще-то музыкант. Мои родители погибли, и меня отдали в Музыкальный Лицей на Пандадионе…

– А откуда ты умеешь водить корабль? – не дослушав, спросил старик.

– Видите ли, мои родители работали в Лаборатории космических феноменов в Астрофизической Академии Пандадиона. Отца звали Нордаль, а маму Ольга. Они пропали в космосе во время каких-то опасных исследований. От них остались книги, одна была по пилотированию. А тот корабль – ну, на котором я летел, – был к тому же еще очень древний. Его бы в музей экспонатом. Жалко, если он погибнет. Пусть его построили и Изуверы – все равно это история нашей Галактики…

– А как он назывался? – старик, не мигая, уставился на Навка.

– «Ультар».

Старик отшатнулся, точно от удара.

– «Ультар»?! – в страшном возбуждении повторил он, хватая Навка за плечи и глядя в глаза. – Точно – «Ультар»?

– Н-не знаю… – испугавшись, пробормотал Навк. – На рулях отчеканено было – «Ультар»…

– Дождилика, девочка моя! – вдруг почти закричал сумасшедший старик. – Я нашел «Ультар»! Он здесь, на Иилахе! Не выходи из Фокуса, мы с силантом прилетим на «Ультаре»! Береги Парусник, девочка!..

– «Ультар» все равно отправили под лазерную пилу, – сказал Навк, вдруг испытав ревность за свой корабль.

Старик зарычал, сжав кулаки.

– Силант должен успеть! – повторил он упрямо.

Навк пожал плечами. «Какой силант, какая Дождилика? – подумал он. – Бедный старик свихнулся от одиночества…»

Старик нервно зашагал по каземату, запустив пальцы в свои кудри. Тень его металась по стене.

– А что это за станция – Иилах? – спросил его Навк.

– Это не станция. Это космическая крепость древней цивилизации Всадников, изуродованная Сатаром.

– Никогда не слыхал о такой цивилизации…

– А о каких ты вообще слыхал? – с презреньем спросил старик.

– Ну… мы проходили в школе древние цивилизации Галактики – Миротворцев, Тружеников, Умельцев… Вот и Изуверов потом…

– Не было таких цивилизаций! Были великие галактические расы, знание о которых дошло и до других галактик, хотя океан Орпокены и непреодолим. Были Первые Люди, были Зодчие, Всадники, Хозяева, Пахари, Воители, Монахи… Все, что ты знаешь о Галактике, – ложь, сочиненная Сатаром для того, чтобы лишить людей кораблей и космоса!

– Никто нас кораблей не лишает, – обидевшись, заявил Навк. – Хочешь – лети в космос на здоровье. Только это очень опасно, и Сатар, то есть, Корабельная Корпорация Сатара, оберегает нас. И хорошо, что весь флот автоматизирован, что корабли водят механоиды – меньше жертв будет. Мои родители погибли из-за собственного упрямства, и надо мной весь наш интернат смеялся…

Старик очень внимательно слушал Навка.

– Дождилика, – произнес он, когда Навк замолчал. – Девочка моя… Когда я умру, не возвращайся к людям. Теперь это такая дрянь…

И тут дверь в каземат, лязгнув, открылась. В узкий проем въехала гусеничная платформа с непонятной конструкцией наверху. Четыре прожекторных луча ударили с платформы в старика. Его седые кудри пронзительно заблистали. Непонятная конструкция задвигалась, поднимаясь, и с платформы встал могучий террор-механоид в броне. Жерло его лучебоя, телескопически вывинчиваясь, нацелилось на старика.

– По приказу Сатара ты должен быть уничтожен, – хрипло прорычал он и сам себе дал команду: – Огонь!

Глава 4. Силант

Удар встряхнул весь каземат так, что нетопыри посыпались с потолка. Проломив противоположную стену, по каземату стремительно прокатился грохочущий огненный шар. Он ударился в террор-механоида и лопнул, разлетевшись на клочья. Террор-механоид застыл у двери оплавленной покосившейся болванкой. Пламя плясало на его плечах, на камнях вокруг него. Навка и старика сбило с ног, но старик моментально вскочил. В пролом стены пролезал широкоплечий горбатый карлик. От него словно исходила какая-то энергия. Навк почти физически ощутил, как опасна близость к нему.

– Силант? – хрипло спросил старик.

– Галактика Цветущий Куст приветствует Королеву Миров, – складывая руки на груди, глухим, но сильным голосом сказал горбун.

– Млечный Путь во мгле, – произнес старик, пристально глядя на пришельца. – Но с твоей помощью мне будет легче закрутить Валатурб.

– Для этого я и шел сорок четыре таланта времени. Что сделал для Млечного Пути мой брат Ребран?

– Он погиб, – отрывисто ответил старик.

– Мы сами избрали свою судьбу. Я счастлив, что брат Ребран выполнил свой долг. Что предстоит мне?

– Ты должен помочь мне выбраться с Иилаха.

Разбитая конструкция у входа вдруг отлетела в сторону, и в проеме показался другой террор-механоид. Он едва успел подняться и выставить лучебой, когда словно бы огромный невидимый каблук наступил на него и с хрустом раздавил. Старик и силант нырнули в освободившийся проход и исчезли, оставив Навка одного. И сразу после этого свод над головой Навка просел и осыпался.

Оглушенного и полузадохнувшегося, отчаянно кашляющего Навка выволок из обвалившегося каземата третий террор-механоид. Безжалостные стальные манипуляторы бросили Навка в клетку на корме механодонта. Юркий механэрикс, летевший под потолком, кинулся вперед, завывая басовитой сиреной, чтобы освободить дорогу. Тяжелый механодонт побежал по тоннелю вслед за ним, унося на спине Навка.

Навк трясся, цепляясь за прутья клетки, и видел, как переполошились все механические бестии Иилаха. Шагали тяжеловооруженные механозавры, гренадер-механоиды мчались по боковым ходам.

Навка вытащили из клетки у самых дверей прокуратора и втолкнули в зал, где на подиуме все так же восседал механический краб.

– Кто освободил старика? Силант? – прорычал прокуратор.

– Старик называл его силантом… – растерянно ответил Навк.

– Куда они направились?

– Не знаю… – соврал Навк.

Он догадывался, что старик и силант помчались на «Ультар». «Зачем я прикрываю их? – быстро подумал Навк. – В их схватке я – мелкая сошка, разменная монета… Со мной никто не будет церемониться… К тому же, они-то меня бросили…». Но смутное чувство солидарности с тем, кто, как и он, сидел в

застенке Иилаха, побуждало Навка молчать.

– Если ты не скажешь, то умрешь! – грозно проревел краб.

Навк молчал, затравленно глядя на прокуратора.

Но вдруг каменная плита в полу треснула и провалилась вниз, а из пылающей дыры, как из преисподней, с грохотом поднялся силант. Он тут же обеими руками схватил краба за клешню, легко сдернул с места и, махнув им над Навком, швырнул в глубину зала. От удара о стену корпус прокуратора лопнул, из пробоины повалил дым и посыпались мелкие, как орехи, шарики электричества. Четыре лапы Корморана конвульсионно проскребли по полу и, скрючившись, замерли.

– Учитель послал меня за тобой, – сказал силант Навку, окаменевшему от потрясения. – Твой корабль не хочет улетать без тебя.

– Мой корабль?.. – тупо повторил Навк. – Без меня?..

– Я донесу тебя, – сказал силант.

– Донесете?.. – ошалело переспросил Навк.

Внезапно стены, пол, потолок колесом прокрутились в его глазах. Это силант, ухватив Навка мощными руками, перевернул его в воздухе и усадил на свой горб.

– Держись за волосы, – велел он, и Навк едва успел ухватиться.

С непостижимой скоростью силант промчался по залу и нырнул в проход. Навк инстинктивно пригнулся, чтобы не разбить лоб о какую-нибудь арку. Силант вылетел в тоннель и понесся вперед.

Замелькали кирпичи, стены, ниши. В ушах засвистело. Силант пулей преодолевал расстояния. У Навка все внутренности подскакивали к горлу, когда силант кидался в повороты ходов. Механоид, попавшийся им на пути, был мгновенно сбит с ног. Навк еще успел услышать, как тот громыхает, катясь по

камням вслед беглецам. Другой механоид только вздернул лучемет, как силант уже проскочил мимо, отшвырнув его к стене. В руке силанта остался вырванный из плеча с проводами манипулятор механоида, в котором было зажато оружие. Не замедляя бега, силант открыл из него огонь по встречным механоидам. Навка охватил почти суеверный ужас, когда он увидел, как стрелы лучей уносятся вперед, прожигая врагов, а силант бежит мимо горящих механоидов, словно мимо горящих деревьев. Израсходовав батарею, силант выбросил лучемет. Когда новые стальные твари кинулись ему навстречу, он прогнал перед собою огненный шар, в котором механоиды плавились, застывая на полушаге перекошенными скелетами. Выбив в броске двери в конце тоннеля, силант с Навком на плечах вылетел в пустоту.

Они оказались в гигантской галерее, по дну которой на транспортере ехал целый вал железных обломков. Далеко впереди эти обломки рушились в вертикальную шахту. Над шахтой, как над кратером вулкана, освещая дикие камни стен, стояло яркое зарево – там находились сверхмощные лазерные пилы. «Ультар», криво лежащий на конвейере, медленно приближался к роковой пропасти.

Силант понесся к нему прямо по воздуху. Между тем, «Ультар» качнулся, накренился и вдруг нырнул в шахту, взмахнув хвостом. Силант в отчаянном пике настиг его и рукой вцепился в элерон хвостового руля. Его могуче рвануло вниз, а Навк едва не соскочил с плеч силанта – все его тело вмиг раскалилось от напряжения. Силант, повиснув в пустоте, держал целый корабль над сияющей пропастью, из которой поднимался кипящий воздух.

– Корабль не включит двигатели без твоего приказа, – утробно прогудел силант, и Навк его понял.

Он перекинул ногу через лобастую голову силанта, по его раскаленной руке съехал вниз и перебрался на хвост корабля. По кромке хвоста, раздирая комбинезон и живот, Навк сполз на крышу, а затем в открытый кормовой люк. Он кувырком докатился до рубки, упал на пульт и вдавил штурвал в панель. Старик, пристегнувшийся к пилотскому креслу, с ненавистью полоснул по Навку из-под бровей взглядом побелевших глаз. Турбины «Ультара» синхронно взвыли, и корабль подался вверх, прочь от страшной глотки Иилаха.

– Теперь лети над транспортером и вышибай створки, – велел старик. – Нам надо в космос.

«Ультар», как луч света, пронзил всю длину галереи, сбил, точно сухие ветви, манипуляторы, которые заботливо укладывали обломки на конвейер, и таранил металлические ворота. Квадратная пластина вырвалась из креплений и, вертясь, затанцевала в распахнувшемся звездном просторе, куда вынесло и «Ультар». По напружиненной дуге корабль обогнул мрачную глыбу Иилаха, и угрюмый гигант, покорно поворачивающийся внизу, вдруг показался Навку быком, целиком насаженным на вертел его победы.

Тяжелые шаги в глубине корабля заставили Навка оглянуться. Это возвращался силант. Волосы колыхнулись на голове Навка. Вместо глаз силанта бугрились узлы черной плоти. Вместо ноги, оторванной по колено, в палубу упирался заостренный металлический стержень. Вместо ладоней из окровавленных запястий торчали два крюка.

– Меня ударило о створку ворот, – глухо произнес силант. – Но это не лишило меня моей силы. Что надо сделать еще? Я могу выполнить все, учитель.

– Хорошо, – жестко ответил старик. – Я знаю, как велика сила силанта. – Лицо старика было безжалостно. – В крепости Иилах, построенной Всадниками, есть огромная пещера. Раньше от битв и ураганов Всадники укрывали там оцерга – межзвездного вола, который таскал их крепость по всей Галактике. В этой пещере сейчас Сатар.

– Я понял, учитель, – ответил силант. – Я погибну, но разрушу Иилах и убью Великого Мамбета. Это долг галактик перед Королевой Миров.

На лбу его запульсировала кожа, надулась волдырем и вдруг лопнула. Циклопический глаз открылся на челе силанта.

– Мне хватит силы, – уже другим голосом сказал силант. – Я буду счастлив, если мой огонь осветит Млечный Путь. Королева Миров взойдет на небосводе вселенной. Запомни мое имя, учитель, и назови его другим силантам – Зелва.

– Прощай, Зелва, – произнес старик.

Силант развернулся и вышел из рубки. Шаги его стихли, вздохнул шлюз и хлопнул люк. Маленькая искорка, выйдя из-за уреза иллюминатора, стала, как

снежинка, падать на Иилах. И в холодной глубине пространства узловатый орех цитадели вдруг треснул. Вихорек яркого пламени завертелся на его скорлупе, заметался, раскручивая спираль, и наконец яростный огонь охватил Иилах со всех сторон, пожирая его. Пылающая роза поплыла по мирозданию, шевелясь, как клубок змей, клокоча, рассыпая по мраку искры, точно капли крови.

– Смотри!.. – вдруг закричал старик, хватая Навка за рукав.

Словно кто-то живой метался в пожарище, как скорпион, брошенный в костер. Черная змейка, извиваясь, скользнула прочь от огненной розы.

– Это Сатар!.. – прошептал старик. – Он опять спасся!.. Он успел, проклятый Мамбет!.. Значит, я даром убил силанта!.. Надо уходить. Мы спрячемся на Фокусе. Но Сатар будет искать нас…

«Ультар» понесся в пустоте, и она объяла его, как океан…

Они вышли к Фокусу – точке, где свет ближних звезд накладывался друг на друга, укрывая все, что здесь находится, от любопытного взора. Навк обомлел. Над звездным озером Пцеры плыл гигантский голубой диск, а посреди него росло белоснежное дерево. Ветви его выгибались, листва была надута, мерцание и всплески света волнами проносились в его сияющих, трепещущих купах. Навк глядел, не отрывая глаз, и вдруг понял, что это не дерево, а корабль, парусный корабль, стоящий над диском на тонкой игле. Его паруса невесомым воздушным утесом парили над точеным корпусом; кливера рвались с бушприта. «Ультар» опустился на плоскость диска, и от парусника к нему побежала девушка. У нее была такая же шапка растрепанных кудрей, как у старика, спускавшегося по трапу ей навстречу, но кудри эти были золотыми – солнечные паруса над серыми раскосыми глазами. Старик обхватил девушку и закружил, а она, плача, прятала лицо в его бороде. Навк, робея, встал за спиной старика.

Старик оглянулся на Навка и сказал ему:

– Знакомься, парень. Это моя дочь. Ее зовут Дождилика, что значит Рожденная В Звездную Непогоду. А это ее корабль, лучший корабль в Галактике, который я для нее построил – Парусник.

– А кто ты?.. – уже улыбаясь сквозь слезы, спросила девушка.

– Меня зовут Навк. Я…

– Навк?!.. – вытаращив глаза, вдруг почти с ужасом переспросил старик. – Ты сказал – Навк?!.. – он помолчал, пристально глядя на Навка, и протянул ему руку: – Можешь называть меня Корабельщиком.

Глава 5. Ракай

Они вышли в путь в тайфун. Тайфун, ослабленный вязкими полями пустоши Смертный Грех, прикатил через весь Скут-сектор от скопления Лучника. Оставляя за собой клочья развеянных туманностей, лопнувшие звезды, разбросанные по космосу астероиды, он вторгся в Пцеру и был снесен к ее внутреннему краю Большим Скут-Евловым течением.

Броненосцы Сатара, стянутые со всей Пцеры к месту сокрушительной гибели Иилаха, тяжело мотало из стороны в сторону, переваливало с борта на борт. Навк видел их желтые, хищные огни.

Старик летел на «Ультаре» вместе с Навком. Ребра кораблика потрескивали, переборки глухо стонали. Навк чувствовал, как буря наваливается на крылья и хвостовую лопасть «Ультара», стремясь столкнуть корабль с курса. Парусник, державшийся по левому борту, шел с сильным креном. Его растрепанное оперенье сгибало мачты, и они дрожали, как чуткие струны лиры под грубыми пальцами варвара. Всякий раз при виде этой картины – кипящие непогодой просторы, дальние звезды, почти затянутые мглою, волчьи глаза броненосцев и сияющий Парусник в облаке тьмы – Навк представлял, как там, в рубке этой прекрасной птицы, стоит у штурвала Дождилика, которая родилась, видно, в такой же ураган.

– Броненосцы не догонят нас, – сказал Навк Корабельщику.

Старик промолчал. Желтые огни отчаянно боролись с несущимися на них рядами озверевших валов. Зыбь колеблющегося пространства словила их, не давая

вырваться из свирепого противотока.

– Мы в школе изучали Великий Галактический Эпос «Сатариада», – осторожно начал Навк, обращаясь к Корабельщику. – Там рассказывается о монастыре Нанарбек, который владел всей Галактикой. Монахи-инквизиторы придумали теорию, что люди являются детьми самой первой цивилизации Млечного Пути – цивилизации Кораблей. А вы, то есть Корабельщик, были Верховным Магистром Нанарбека. Одураченные люди верили Изуверам, а вы изобрели машину, которая превращала людей в корабли. Из таких кораблей монахи собирали гигантский флот, чтобы преодолеть Орпокену и покорить соседнюю галактику Цветущий Куст. Это были корабли-вампиры. В них загоняли людей, и корабли высасывали из них жизнь, чтобы иметь энергию для полетов. Но в Галактике родился человек по имени Сатар. В Цветущем Кусте был создан орден силантов, который посвятил себя борьбе с Нанарбеком, чтобы не было нашествия Изуверов на кораблях-вампирах. Силант Ребран пересек Орпокену, достиг Млечного Пути, нашел Сатара и дал ему испить воды из волшебного источника Синистер. Сатар стал бессмертен. Силант поведал ему правду о Нанарбеке. Чтобы проверить слова силанта, Сатар совершил паломничество в Нанарбек. Перевозчиком на планету Эрия, где стоял монастырь, был сам Корабельщик. Корабль-вампир попытался высосать жизнь из Сатара, пока Корабельщик вез его, но Сатар был бессмертен, и Корабельщик не смог причинить ему вреда. В сражении силант пленил Корабельщика, а Сатар отправился по всей Галактике разносить правду о Нанарбеке. Эту правду люди назвали Священной Ересью, и вскоре вся Галактика восстала. Отряды еретиков штурмом взяли монастырь, и владычеству Изуверов пришел конец. Все корабли-вампиры были уничтожены. Сатар учредил Корабельную Корпорацию и встал во главе ее на страже, чтобы корабли больше никогда не угрожали людям. А Корабельщик бежал из плена, убив силанта Ребрана, и скрылся на просторах Галактики. Вот такой Эпос – «Сатариада».

Старик молчал с каменным лицом.

– Так я не понял, – робко продолжил Навк, – вы и вправду тот Корабельщик, бывший Магистр Нанарбека? Но почему тогда другой силант спасал вас? Почему вы говорите, что Сатар – это какой-то Мамбет?..

– Послушай, мальчик, – сказал Корабельщик. – Я отдам тебе твой корабль. Я научу тебя, как выбраться из Пцеры. Ты улетишь, спрячешься на планетах, поступишь в свою Академию, и никакой Сатар не найдет тебя. Если ты сейчас счастлив и свободен, зачем ты желаешь знать истину? Познать истину – значит,

вечно зависеть от нее и потерять радость. Наша встреча – случайность. Ты мне не нужен. Все, что ты знаешь – ложь, но у меня нет ни сил, ни времени рассказывать тебе обо всем, да и к чему это? Замолчи, я не хочу слушать твои бредни. Верь во что хочешь, но не вставай на моей дороге.

– Больно мне надо знать ваши секреты, – обидевшись, сказал Навк. – У меня и без вас дел по горло. Как отдадите корабль, так больше меня и не увидите. А вообще-то куда мы сейчас летим, а?

– На планету Ракай, – кратко сказал старик. – Здесь должен быть выход к Ракаю. Надо ждать, когда он появится.

Навк молча сбросил скорость и безнадежно уставился в окно.

Броненосцы подходили все ближе. Их мрачные огни рассыпались на более мелкие – каждый стал словно маленькое созвездие. Наконец вдали Навк различил корпуса, слабо освещенные маршевыми сигналами.

– Предлагаю уходить, – сказал Навк. – Они уже на дистанции огня…

– Ракайский Ключ! – подавшись вперед, вдруг воскликнул Корабельщик. – Лети навстречу!

Из звездной пропасти к «Ультару» приближалась искорка. Чем ближе она подходила, тем явственнее Навк видел, что это было какое-то странное космическое сооружение, напоминающее пружину.

И едва «Ультар» скользнул вперед, пружина начала вращаться вокруг своей оси, все быстрее, быстрее, и наконец ее спираль, раскручиваясь, образовала кольцо. Броненосцы рванулись к «Ультару», почуяв, что беглецы ускользают. Стрелы лучевых ударов скрестились над корабликом.

– Дождилика, проходи первой!.. – крикнул старик.

Тотчас снежная громада Парусника в плавном вираже обогнула «Ультар», качнулась и устремилась в круглое окно, как в полынью. Тьма зарябила от частых лучей, целым снопом выпущенных с броненосцев.

– Давай! – рявкнул старик.

Навк кинул корабль в обруч, промчавшись сквозь него, как стрела сквозь кольцо.

И сразу за кормой «Ультара» обруч превратился в спираль, замедляя бег, потом скрутился в пружину и наконец сжался узлом перед стальными рылами броненосцев Сатара.

«Ультар» и Парусник парили в полной темноте. Прямо перед ними висела огромная планета.

– Это и есть Ракай? – спросил Навк. – А что за спираль там была?

– Корабли поместили Ракай в пространственный мешок, – пояснил старик. – А вход лишь один – через Ракайский Ключ. Он раскрывается только перед тем кораблем, который может назвать свое имя. «Ультар» и Парусник – наверное, последние корабли в Галактике, имеющие свои имена. Разве что где-нибудь в обвалившихся пещерах, в забытых убежищах еще ждут капитанов старые корабли монахов Нанарбека. А броненосцы Сатара имен не имеют, поэтому им сюда хода нет.

«Ультар» и Парусник опустились на Ракай там, где среди высоких скал простерлась огромная площадь. Когда Навк по трапу спустился на древние плиты, ветер, бушующий под низким серым небом Ракая, резанул лицо, выбив слезы. Вдали высилось огромное кубическое здание.

Старик молча пошагал вперед. Ветер трепал его кудри и бороду. Навк и Дождилика, переглянувшись, поспешили за ним.

– Что там впереди? – спросил Навк, догоняя старика.

– Это Храм Мироздания, – ответил тот. – Его построили еще Корабли. В нем хранится перлиор, за которым мы сюда прилетели.

Странность, загадочность слов Корабельщика сильно подействовала на Навка. Со смутным ощущением нечеловеческого величия зодчих, воздвигших в тайном уголке Галактики грандиозный храм, Навк словно коснулся тонкого стекла, льда,

покрывающего толщу неизведанной, могучей, но уже отшумевшей жизни, былых империй, войн, звезд, от которых теперь остался лишь светящийся песок.

Они вошли под гигантский купол храма, как под гранитный небосвод. Не поддерживаемый ничем, он парил в вышине. От обнаженного, чистого, пустого объема храма закружилась голова. Изнутри купол переливчато мерцал золотисто-синеватыми волнами, и Навк, приглядевшись, понял, что весь он расписан линиями, иероглифами, концентрическими окружностями. Эти фрески и излучали тонкое сияние.

– Система мира… – подняв лицо, негромко произнес Корабельщик.

Седина его в отсвете фресок отливала синевой. Лицо Дождилики стало словно из серебра, а кудри – с прозеленью.

В стенах храма темнели полуциркульные ниши; посреди на странном ступенчатом пьедестале стояла чаша. Больше ничего здесь не было. Навк медленно двинулся по тонкой пыли, покрывающей пол, чтобы узнать, что находится в арках, но остановился на полпути у большого черного пятна, просвечивающего сквозь пыль.

– Тут Навага ударил меня ножом, – сказал старик. – Это моя кровь.

Навк не решился переступить страшный знак преступления. Со своего места он видел, что во всех нишах стоят странные фигуры – черные, напоминающие скелеты. Навк содрогнулся, взглянув на их совсем человеческие лица с закрытыми глазами и печатью нерушимого покоя.

– Это чаморы, хранители жемчужины, – сказал Корабельщик. – Вечно живые мумии. Корабли вложили в них сердца межзвездных варалов.

Старик и девушка направились к постаменту с чашей. Обойдя пятно, Навк пошел вслед за ними, с тревогой оглядываясь на чамор.

Постамент представлял собой толстый каменный диск, на котором покоился такой же массивный каменный квадрат, а на квадрате – треугольник. Сверху стояла резная чаша. Пришельцы осторожно поднялись к ней. Навк увидел, что

на дне чаши лежит пылающая жемчужина.

– Это и есть перлиор, – сказал Корабельщик. – Слеза Вселенной. Ее оставили нам Корабли, чтобы мы запустили Валатурб. Постамент заключает в себе секрет запуска. Когда я бедствовал на Ракае после предательства Наваги и Кромлеха, я долго размышлял и отыскал ключ к пониманию. Древняя система знаков гласит, что треугольник – символ песчинки, квадрат – символ искры, круг – зерна. На каждой ступени этого постамента написано название. На треугольнике – «Джизирак», на квадрате – «Сингуль», на круге – «Вольтан». Я знаю во Пцере белый карлик Джизирак, знаю мертвую звезду Сингуль, но Вольтана не знаю. Надо понимать так, что у Джизирака перлиор будет песчинкой, у Сингуля – искрой, а у неведомого мне Вольтана – зерном. В этом секрет Валатурба. Сатар отдал бы все, чтобы знать его.

– А что за иероглифы написаны на ступенях? – спросил Навк, стирая подошвой пыль. – И почему они светятся?

– Все росписи сделаны кровью древнего космического вепря Уруха, – пояснил Корабельщик. – А иероглифы начертаны, чтобы знать свою судьбу. Перлиор прокатится по ступеням, и знак, который он заденет, предскажет вам будущее у Джизирака или Сингуля. Я же беру себе Вольтан. Я хочу знать, чем кончится для меня запуск Валатурба.

– Тогда Сингуль будет моим, – решила девушка.

– Сойдите вниз, – велел Корабельщик.

Когда он остался на верху один, он качнул чашу и закрутил ее. И тотчас все три ступени постамента начали с шорохом вращаться. Жемчужина, лежавшая на дне чаши, побежала, покатилась по спирали, набирая скорость, взлетела на кромку чаши, спрыгнула вниз, прочертила все три ступеньки, оказалась на полу и помчалась дальше в пыли.

Корабельщик медленно спустился, глядя под ноги на иероглифы.

– Навк, – сказал он. – Тебе у Джизирака выпала кровь… Дождилика, девочка моя… – старик пошатнулся. – Перлиор коснулся знака смерти на Сингуле… А мне на Вольтане – покой.

– Я должна погибнуть? – дрожащим голосом спросила девушка.

– Не знаю, – задумавшись, сказал старик. – Но если ты будешь со мной у Сингуля, ты встретишься со смертью.

Волна горечи захлестнула Навка, и он, отвернувшись, пошел по следу жемчужины, чтобы подобрать ее. След вел прямо к стене, и Навк увидел в пыли огонек перлиора. Он нагнулся за жемчужиной, а, выпрямившись, в ужасе отлетел назад. Прямо перед ним была ниша, и чаморы глядели на Навка светящимися багровыми глазами.

– О-о-они ожили!.. – заикаясь, крикнул Навк, отступая спиной вперед. – Му-мумии!..

Корабельщик быстро глянул в его сторону. Дождилика первой побежала к выходу. Навк – за ней. Последним, задумавшись, шагал старик. Они покинули темный храм и вышли на просторную площадь.

– Мы забрали перлиор, и энергия Ракая высвобождается, – произнес Корабельщик. – Скоро Ракайский тоннель откроется, но только для одного корабля. Ты не полетишь со мной, Дождилика. Жди меня на Фокусе.

– Нет, – покачала головой девушка. – Я не боюсь смерти.

– Перестань, – вдруг сказал Навк Дождилике, и девушка со стариком изумленно оглянулись на него. – Миллион лет назад кто-то нарисовал иероглиф, а ты уже умираешь… Сейчас уже все иначе.

– Иначе?! – Дождилика, казалось, разозлилась. – Что ты понимаешь в этом? Как ты можешь судить о мудрости древних цивилизаций, не зная даже, что представляет собою твоя собственная?.. Папа, – устало обратилась девушка к Корабельщику. – Он же все равно полетит с тобой. Пока Ракайский тоннель не открылся, расскажи ему о Кораблях.

– О Кораблях? – усмехнулся старик. – Хорошо.

Глава 6. Мамбеты

– Учение Нанарбека, которое называется «Полночь в Мироздании», утверждает: материя одухотворена насквозь. А в чем самая высокая концентрация одухотворенности? В той вещи, стихия которой – свободное движение. В той, которая, единственная из всех, не входит в сочетание со средой своего обитания, а противостоит ей, обрекая себя на вечные странствия, одиночество и гибель. Мудрецы Нанарбека называли такую вещь словом «пталь». Они знали несколько категорий пталь: по категории разума – Познание, по категории духа – Талант, по категории чувства – Любовь, по категории материи – Корабль. Корабль! Именно в нем воплотилось одухотворение материи с небывалой силой! Да и как может быть иначе? Кто ритмом своих линий, стремительностью движения являет нам образ совершенной красоты? Кто извечно будоражит наше воображение тайной своих странствий, высокой трагедией своего изгнания, силою самоотречения, бедой неприкаянности? Чье магическое притяжение срывает нас с мест и несет по вселенной? Где мы живем тысячью жизней сразу, не доживая и одной? Произнеси это емкое, звучное, вытянутое вверх слово – корабль!

Кораблями была и великая первоцивилизация галактики Млечный Путь. Настоящими кораблями, летающими в космическом просторе. Откуда они пришли – неизвестно, они не строили памятников. Они построили для нас нечто большее – они построили Галактику.

Вселенная находится в безостановочном движении, и галактики несутся в космосе по своим орбитам. Преодолеть расстояние от одной галактики до другой, преодолеть Орпокену – очень трудно, а единичная победа почти ничего не значит для двух гигантских миров. И тогда великие мегацивилизации, рожденные еще Первогалактикой Талант, так организовали движение своих галактик, что они сами плыли навстречу друг другу. И все многообразное перемещение галактик было рассчитано так, что они, сменяя друг друга, вечно сходились и расходились, проницая самих себя, пролетая одна сквозь другую, как две птичьи стаи. Такой порядок во вселенной называется Хоровод Миров – бесконечный круговорот галактик, который для каждой отдельной из них делает доступным все мироздание.

А на окраине этого вселенского вальса кособоко тащилось скопление Куча, служившее свалкой космического мусора, пока в недрах его не появились

первые Корабли. Сотни тысяч лет длилась их работа. Но они построили лучшую галактику в мироздании. Они дали ей нежное и загадочное имя – Млечный Путь, и она поплыла в прозрачной тьме как ладья, как алмазная диадема, покатилась по сверкающей во мраке вселенской дороге, словно хрустальное колесо, полетела в душах всех, кого постигла беда в полночь увидеть ее на небосводе, точно несбыточный и мучительно-прекрасный сон, зовущий и неуловимый. Траектории всех других галактик сошлись на ней, и она стала центром мира – Королевой Миров.

Гений Кораблей создал великое звездное чудо, в сердце которого пылало небывалое, ослепительное светило Таэра. Но собственное совершенство и сгубило Млечный Путь. Среди межзвездного вещества, которое пошло на строительство, были клочья мертвой, вырожденной материи – материи, лишенной одухотворенности. Неизвестно, в каких космических катаклизмах она претерпела такую ужасную метаморфозу. В любой галактике имеется такой мусор, но нигде он не был столь сконцентрирован. Корабли вычистили Млечный Путь насквозь, а вырожденную материю в коконе силовых полей, называемом Урва, подвесили в пустоте далеко за полюсом Скут. Там-то и завелись бестии, которые получили имя Мамбеты.

Подобно Кораблям, они обитали в космосе. Когда вся Урва переродилась в единую злобную стаю, они ринулись в Галактику. Взрывая звезды, ломая системы, изгибая линии эклиптики, свирепые орды Мамбетов рвались к власти над Млечным Путем. И Корабли, застигнутые врасплох, не могли отбить их атаки.

Могучие и древние Корабли сражались насмерть. Но по природе своей они были одиночки, и хищные стаи Мамбетов уничтожали их по одному. Вся Галактика закипела великой войной Кораблей и Мамбетов. Все просторы Млечного Пути были усыпаны обломками Кораблей. В пыли сражений гасли, меняли цвет, загнивали звезды. Скопища метеоритных туч перекрыли прежние пути. Ширились гибельные ямы гравитационных ловушек и смертоносные завихрения энергопотоков. Странные и жуткие твари расплодились в пространстве. Стройные эллипсы орбит бесчисленных планет и лун искажались, увлекая их к столкновениям и катастрофам. Звездные трясины – Вырла – укрыли великолепную Таэру. Но хотя мрачная тень крушения и нависла над Млечным Путем, с иных берегов Орпокены чудо-галактика сияла все также ярко и нежно, и другие галактики по-прежнему стремились на встречу с ней. На это и рассчитывали Мамбеты. Овладев своей Галактикой, они, благодаря Хороводу

Миров, перейдут на другую, потом на третью, на пятую, десятую, и так до бесконечности, пока вся вселенная не покорится их игу…

Оставшиеся в живых Корабли собрались, наконец, воедино и создали флот, вспомнив навыки боя своих далеких предков и воодушевившись их грозной силой, которая просочилась сквозь плотные слои тысячелетий. Флот Кораблей начал бить стаи Мамбетов, одерживая победу за победой. Но и Мамбеты учились драться с непокорными Кораблями. У них появилось новое оружие, которое несло Кораблям погибель – оно выжигало из материи ее одухотворенность, и лишенный одухотворенности Корабль сам превращался в Мамбета.

Корабли все равно продолжали войну, пусть и обреченную на поражение. Но теперь, предпочитая гибель существованию в облике Мамбета, они создали механизм самоуничтожения. Это был объект, в котором заключался и разум, и дух Корабля. Он управлял Кораблем и пребывал с ним в симбиозе, однако был слаб настолько, что если в нем выжигали одухотворенность, то он погибал. Вместе с ним погибал и Корабль, не превращаясь больше в Мамбета. Объект этот Корабли назвали Человеком.

Создание Человека ненадолго продлило эпоху Кораблей. Их раса истекала кровью. В живых после тысяч лет войны с Мамбетами остались только самые старые, самые опытные, самые могучие воины. Взятые в кольцо осады, они уже почти ничего не значили для Галактики. Черный день взошел над Млечным Путем. Иго живых мертвецов охватило Галактику, и венцом творения стал вампир. А тем временем через пучину Орпокены другие звездные острова плыли на воссоединение с собратом. Они все еще не знали о чуме, поразившей Королеву Миров. Мамбеты же были готовы с Млечного Пути перескочить в галактику Цветущий Куст, а дальше подходили галактики Гейзер, Форштевень, Морозный Ключ, Гроза, Райская Птица, Фонарь, а еще дальше – другие галактики…

И тогда Корабли, оценив угрозу, которую их мир представлял для вселенной, решили последним усилием перекрыть Мамбетом выход в нее, сделать невозможной встречу галактик, сколлапсировать Млечный Путь. Они разделились на две группы. Одна из них прорвалась к полюсу Зарват и подожгла огромное облако межзвездного газа, взрыв которого закрутил Галактику вокруг своей оси, как волчок. Теперь никакая иная галактика не смогла бы пройти сквозь Млечный Путь, ибо эта встреча была чревата гибелью. Королева Миров покинула великий Хоровод. Разделенные Орпокеной, другие

галактики, и в первую очередь Цветущий Куст, были спасены от нашествия Мамбетов. Сила взрыва оказалась такова, что вращение Млечного Пути само по себе прекратилось бы только через миллиард лет. За такой огромный срок Мамбеты вымерли бы, и даже слова о них не сохранилось бы на скрижалях вечности.

Однако, Корабли даже перед лицом гибели не верили в свой безвозвратный уход. На тот час, когда их род воспрянет из пепла, у злого полюса Скут в туманности Пцера они – вторая группа Кораблей – построили Галактический Тормоз, или Валатурб, который мог остановить вращение Млечного Пути в любой момент, ибо нельзя жить на острове, даже если он – галактика. Мамбет не мог запустить Валатурб. Запустить его мог только Корабль. А построив Валатурб, последние Корабли вышли из Пцеры и приняли бой, в котором погибли все до единого среди несметных полчищ Мамбетов.

Но хотя Галактика и была отрезана от вселенной, война с Мамбетами еще не кончилась, ибо после Кораблей остались Люди. Жалкие, голые, неумелые, они выползали из-под обломков Кораблей, рухнувших на скалы неизвестных планет. Много тысяч лет прошло, прежде чем они окрепли, собрались сперва в стада, затем в племена, покорили горы и равнины, овладели огнем и осознали, что они – Люди, дети Кораблей, а значит, им и принадлежит весь звездный свод.

Люди стали выходить в космос. Они ловили огромных космических улитов, которые изредка опускались на луга за свежей, сочной травой, приручали их, забирались внутрь, в раковину, и так путешествовали. Сперва – на соседние планеты, потом – в соседние звездные системы, а после, когда научились управлять улитами, и по всей Галактике. Мамбеты даже не заметили, как со всех сторон их оплела упрямая и живучая жизнь. И люди, осмелев, растревожили мрачный покой угрюмых космических чудовищ.

Люди первыми вступили в войну с Мамбетами. Их память несла в себе образ врага, и они принялись уничтожать Мамбетов, где только могли. Когда целенаправленная и хладнокровная бойня стала очевидной, словно грозная тень Кораблей снова надвинулась на Мамбетов. Но Люди были не такими противниками, как Корабли. К отваге и доблести Кораблей Люди добавили расчет, хитрость, сплоченность и дерзость. Война в Галактике совершила новый виток. Неукротимый дух древних Кораблей кипел в человеческой крови страстью к мщению и тоской по красоте.

Люди, выстраивая фальшивые города, заманивали Мамбетов на просторы своих планет. Едва Мамбет опускался, в него летели крючья и якоря. Притянув Мамбета вниз, люди били его камнями и топорами, рвали бивнями и топтали ногами исполинских животных. Мамбетов приманивали на хищные болота, и как только хоть один из них опускался, прожорливые трясинные спруты обвивали его щупальцами и утаскивали на дно. На своих улитах Люди убивали в космосе любого одиночного Мамбета, и те привыкли держаться стаями. На ледяных планетах, поливая вечную мерзлоту кровью жертвенных коров, Люди выращивали Хрустальные Хризантемы, а потом обламывали стеклянные соцветия и вставляли в прорези на панцирях улитов. Собирая свет факелов, Хризантемы жгли Мамбетов лазерными иглами. Люди посылали в запретные пространства тучи межпланетных жуков-камнеедов, и те прилетали обратно с крупицей бесценного металла в брюшке. Металл этот не притягивался к массе, а отталкивался. Люди ковали из него особые щиты. Из ребер животных и глины они строили летучие крепости – традеры, закрывали их латами чудесного металла и поднимались в космос. Они ловили глубоководную рыбу го, сушили ее жабры и толкли в ступах, а потом в каменных ядрах пробивали отверстия, засыпали их толчеными жабрами и поджигали. Пылающие бомбы сыпались с космических крепостей, круша Мамбетов направо и налево. В черепах многоглавого чудовища Сзевра люди вылетали из традеров прямо в гущу Мамбетов. В этих черепах в особых мешках лежал электрический мозг Сзевра, и между чудовищных клыков, торчащих из челюстей, сияла электрическая дуга, разрезавшая Мамбетов пополам. Покрыв свои тела слоем сала кротов из пещер насквозь промороженных планет, которое, застывая в космической стуже, превращалось в гибкий скафандр, и взяв в зубы губку из солнечных атоллов планеты Пелла, способную еще целых полчаса выделять чистый воздух, люди выходили в пустоту драться с Мамбетами один на один. В руках они держали пики, на которые были насажены вырванные из тел огненных ящеров с планеты Юкла плазмотворные железы, – с них каждую секунду срывалась шаровая молния, прожигавшая любого Мамбета навылет.

Изнурительная война шла тысячи лет, и конца ей не было видно, ибо никто не мог одолеть врага. Сама Галактика, пришедшая в полный упадок, утратившая все былое величие, опустошенная, замусоренная, полуразрушенная, казалось, взмолилась о пощаде. И наконец Мамбеты решили взять хитростью там, где невозможно было взять силой.

Сколько еще надо ждать, чтобы остановила свое вращение Галактика? И не придут ли на смену Людям еще более опасные враги? И можно ли за миллиард лет сохранить цель? Мамбеты не знали ответов на эти вопросы. И тогда они

решили просто уйти в летаргию до нужного срока. Они больше не будут воевать. Они заберутся в недра планет и уснут, чтобы проснуться через миллиард лет. Об их существовании уже никто не вспомнит, и они завоюют Галактику одним внезапным ударом. А другие галактики уже тем временем возьмут курс на Млечный Путь, и Мамбеты пройдут по ним, как по мостам над Орпокеной, чтобы после смертельно долгого ожидания все же обрести невиданную власть.

И план этот во всем устраивал Мамбетов, кроме одного. Вся вселенная была одухотворена, ее пронизывало единое излучение, которое поддерживало жизнь во всех живущих, даже в самих Мамбетах. Но если Мамбет облачался в цисту и залегал в спячку, это же излучение его убивало. После того, как Корабли закрутили Галактику, излучение вселенной в нее не проникало, а тот объем его, который остался внутри Млечного Пути, лишенный органичной связи со всеобщей одухотворенностью вселенной, постепенно выродился. Вырожденная одухотворенность – излишняя энергия Галактики – стала причиной бесконечных энергетических бурь и катаклизмов. Она окостеневала в гравитационные мели, перегнивала в звездные трясины, загнаивалась черными дырами, пульсировала нестабильностью тяготения, обращалась в области анизотропного пространства. Она вращала волчки выворотней, раздувала ураганы, гнала световые и магнитные цунами, раздирала космос провалами. Режим переполненности Галактики вырожденной энергией вселенной и назывался режимом Энергетического Неблагополучия Млечного Пути. Личинки Мабетов без вреда пережили бы миллиард лет, но ведь Люди могли возродить цивилизацию Кораблей, а те могли запустить Галактический Тормоз Валатурб. В таком случае Галактика прекратит вращение, остановится, и энергия вселенной хлынет внутрь, уничтожая спящих Мамбетов. Чтобы этого не случилось, Мамбеты решили оставить наблюдателем самого мудрого и сильного из них – Великого Мамбета Сатара. Он не должен допустить возрождения Кораблей.

И, приняв решение, орды Мамбетов разлетелись по Галактике. Облачившись в непроницаемые черные цисты, Мамбеты из космоса выбросились на планеты, ввинтились в грунт, поползли все глубже и глубже и, наконец достигнув безопасной глубины, заснули в смертельной летаргии. А Сатар остался. Остался следить, чтобы у кораблей никогда не появилась душа.

Глава 7. Наурия

Седые кудри Корабельщика словно кипели под сильным и холодным ветром Ракая. Навк, взбежав по ступенькам трапа к люку «Ультара», ожидал старика, который разговаривал с Дождиликой.

– Папочка, – улыбаясь, говорила девушка, – Парусник – лучший корабль во Млечном Пути. На нем я прорвусь через блокаду у Ракайского Ключа и уйду от любой погони. Ты не виноват, что Ракайский тоннель открыт лишь для одного корабля… Лучше поспешите – ведь и в планетарных недрах энергия не бесконечна.

– Хорошо, – нахмурившись, тяжело согласился Корабельщик.

Через пять минут пространство вздрогнуло от рева турбин «Ультара». Копья плазмы вонзились в древние плиты. «Ультар» медленно поднимался над полем. Навк увидел в иллюминаторах, как по равнине, местами проломленной метеоритами, бегут смутные и неровные тени облаков, а вдали бледно светится первый магический знак Кораблей.

Неяркая золотая полоска прямо по курсу постепенно превратилась в исполинскую оперенную стрелу, указывающую путь «Ультару». Кораблик пронесся над ней, и впереди появилось свечение следующего знака. Вскоре в иллюминаторах внизу мощным изгибом тела блеснул Рак, вытянув вперед клешню. Потом под днищем вспыхнул знак Рыбы, потом – Кувшин.

– Что они означают? – спросил Навк. Перекрикивая гул двигателя.

– Не знаю, – ответил старик. – Я уже забыл. Ты лучше гляди вперед. Видишь – темные тучи поднимаются из-за горизонта… Это открылись главные вулканы Ракая. Энергия стекается к тоннелю. Нельзя опоздать.

В глаза прыгнул знак Рога, вслед за ним – Солнечное Колесо. Вдали поднимались черные скалы, сгущалась угрюмая тень, и в ней засветился последний загадочный символ – Огненная Комета.

Она пронеслась внизу, как сноп искр. Навк потянул на себя рули, и кораблик опустился почти к самым плитам. В сумраке, который делался все плотнее, Навк увидел, как стремительно приближаются горы на окраине равнины. У подножия самой большой из них зиял портал тоннеля.

«Ультар» вонзился в его тьму. Впереди на дне тоннеля алым огнем, переливчатые, как рубины, заиграли непонятные иероглифы, начертанные Кораблями для тех, кто пойдет этим путем. Навк, окостенев от напряжения, вел «Ультар» по их ленте.

Но вот линия иероглифов оборвалась. Несколько мгновений корабль мчался во тьме, и вдруг слева вспыхнула нарисованная тем же светящимся золотом фигура человека. Навк скосил на нее глаза, не понимая. Почему она не исчезает, но потом до него дошло, что он видит суммированную проекцию многократно повторенного, точно кадр кинопленки, изображения. А светящийся человек на стене вдруг вздрогнул, словно проснулся, изменил позу и сделал шаг. Потом другой, третий, пошел, быстрее, еще быстрее, и наконец побежал, неестественно медленно взлетая в прыжках. Навк понял, что из мглы тысячелетий Корабли дают ему знать, какой скорости надо держаться, и прибавил ходу, чтобы нарисованный человек бежал естественно.

«Ультар» летел сквозь бесконечный тоннель, а рядом с ним бежал нарисованный человек, который, как коня под узцы, вел его, все ускоряя и ускоряя свой бег. Навк не снимал руки с панели скоростей, и «Ультар», сотрясая скалы над собою, спуская лавины по их склонам, словно демон из недр земли, рвался к выходу в свою стихию.

Прорыв сквозь барьер, разделяющий Ракай и неведомую еще точку Галактики, намеченную кораблями, отозвался в голове навка вспышкой огня и боли, скорчившей его, как электрический разряд. Когда же Навк очнулся, расцепил скрюченные пальцы и разлепил веки, «Ультар» безвольно кувыркался в чистом космосе, окруженный неизвестными светилами.

– Дождилика, ты меня слышишь?.. – бормотал рядом старик, прикрыв глаза. – Они тебя не логонят. Неужели ты сомневаешься в Паруснике? «Ультар» возле Оверка, мы называем его Большой Выворотень… Это не так уж и далеко от Ракая. Когда Корабли построили Ракай, между ним и Оверком лежал огромный массив гравитационных мелей, поэтому они пробили тоннель… А после взрыва сверхновой Фарлинги, которым Мамбеты хотели запереть от людей Пцеру, мели перекочевали на Гвит-Евл-Евл-Зарват и были размыты Большим Скут-Евловым течением, оставив на месте себя пороги Верхний и Нижний Бантага-Ул и Тхаса… Держи курс на Скут-полюс, Дождилика, а мы пойдем тебе навстречу…

«Как они разговаривают?.. – подумал Навк. – Что это за связь, которой не страшны парсеки?..»

– А скоро мы встретимся с Парусником? – спросил он вслух.

– Нет, – сердито ответил старик.

Навк не стал больше расспрашивать хмурого Корабельщика и решил вздремнуть. Он откинул спинку кресла и вытянул ноги.

– Иди спать в каюту, – неожиданно грубо сказал ему старик.

– А почему это я не могу спать здесь? – удивился Навк и почти сразу же возмутился: – И почему это вы мне так говорите?

– Потому что мне надо остаться один на один с «Ультаром». Он был моим кораблем триста лет. А ты мне мешаешь.

Навк, сдержавшись, встал и вышел из рубки, яростно хлопнув дверью. Он ушел в каюту, повалился в гамак, злорадно размышляя о том, как совершит какой-нибудь героический поступок, от которого старику станет стыдно, и в этих размышлениях уснул.

Он не знал, сколько проспал. Резкий толчок экстренного торможения кинул его гамак на стену. Навк вскочил и увидел в иллюминатор, что крыло корабля освещено каким-то непонятным жемчужным светом. Навк бросился в рубку.

– Дождилика!.. – услышал он еще в коридоре голос Корабельщика. – Девочка моя, что случилось?

– Папа!.. – раздался вдруг голос Дождилики в голове Навка, и он, пораженный, споткнулся. – Папа! Парусник словно обезумел! Я никогда не видела его таким! Я боюсь, папа!.. Он забрался прямо в чащу и весь дрожит!..

Навк влетел в рубку и остановился. Впереди по курсу «Ультара» парил в пустоте гигантский, величиной с небольшую планету, спутанный клубок каких-то растений. Тонкие, гибкие ветви сплетались и скручивались. Трепетали длинные

и узкие бирюзовые листья. Огромные цветы-колокольчики розового, алого, малинового цвета были окутаны мохнатыми, струящимися облаками пыльцы. В глубине соцветий тлели багряные огни. Жемчужные и голубые плоды, как фонари, висели в недрах этого куста, озаряя все вокруг изумительно-чистым, нежным сиянием. Роем кружили мотыльки с шелковыми расписными крыльями. Навк почувствовал непреодолимое, гипнотически-властное влечение к этим райским кущам и качнулся вперед.

– Наурия!.. – закрывая лицо руками. Прошептал Корабельщик. – Легендарные звездные цветники Кораблей, окружавшие Таэру! Вечная радость Кораблей – наурия, которая дарит покой!.. Я не знал, что от тех садов уцелело хоть что-то!..

– Папа, что мне делать?.. – плакала Дождилика. – Парусник словно заснул среди этих листьев!.. Он больше не слушает меня!.. Я уже вижу огни броненосцев механоидов!.. Папа, не молчи, отвечай мне!..

– Наурия!.. – сжав руками виски, как безумный повторял Корабельщик, потрясенно глядя в иллюминатор. Глаза его были слепыми от серебряного света.

– Д-дождилика… – охрипнув, вслух произнес Навк. – Ты слышишь меня?.. Это Навк…

– Папа, почему ты молчишь?! – надрывалась девушка.

– Он тоже как загипнотизированный, – продолжал Навк, не зная, слышит его девушка или нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/aleksey-ivanov/korabli-i-galaktika

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити